

Новая книга В. Заборскайте построена весьма просто: каждая из ее 24 главок состоит из лирического стихотворения (за исключением двух фрагментов эпической поэмы К. Донелайтиса) и последующего анализа этих стихов. Уже само хронологическое расположение анализируемых текстов (К. Донелайтис, Майронис, Л. Гира, Ю. Янонис, В. Монтевила, С. Нерис, В. Миколайтис-Путинас, А. Венцлова, Э. Межелайтис и Ю. Марцинкявичюс) говорит о намерении литературоведа не просто представить образцы стиховедческого анализа наиболее известных страниц литовской поэзии. Автор стремится осмыслить историю литовской лирики, раскрыть определенные закономерности в историческом изменении отдельных лирических жанров (оды, баллады), в постоянном обогащении поэтики, изобразительных и выразительных средств лирики. Скромность же авторского намерения («углубить первые впечатления от чтения стиха. Обратит внимание на вызываемые текстом идейные и образные ассоциации, на структуру произведения, на особенности его языка») отнюдь не снижает научно-теоретического значения книги.

Большинство исследуемых в книге текстов — хрестоматийны. «Анализируемые авторы,— отмечает В. Заборскайте,— уже весьма широко изучены и оценены советским литературоведением и критикой». Это предопределяет характер исследования. Опираясь на уже существующие положения теории стиха (Л. Тимофеев, В. Огнев, И. Гирдзияускас и др.) и на конкретные наблюдения исследо-

вателей литовской поэзии (В. Миколайтис-Путинас, В. Кубилиус, Д. Саука), В. Заборскайте сосредоточивает свой анализ на стиле и структуре конкретного произведения и открывает при этом совершенно свежие пласты лирического содержания, помогает постичь глубинный смысл популярнейших стихотворений.

Анализируя, например, внутреннюю структуру эпизода о смерти Причкуса (из поэмы «Времена года»), В. Заборскайте вносит значительные коррективы в традиционное понимание К. Донелайтиса как стихийного реалиста XVIII века и приходит к интересным мыслям о соотношении художественного образа и мировоззрения художника. Она демонстрирует композиционную продуманность этого эпизода, его идейно-художественное единство. Строгий отбор материала и характер деталей, мастерски усиливаемое напряжение и резкая развязка с бурным лирическим заключением — вся система образов построена так, что служит наиболее полному выявлению антифеодалного пафоса произведения.

В. Заборскайте приходит к выводу, что неправильно было бы думать, будто все дело заключается просто в привлеченном Донелайтисом жизненном материале, что поэт, может быть, сам не замечая того, изобразил такую область действительности, которая по своему содержанию противоречит идеологии автора. Схематический «дуализм» мировоззрения и творчества опровергают и другие страницы «Искусства стиха», осмысляющие диалектику мысли и образа на конкретном материале (например, лирика В. Миколайтиса-Путинаса).

Внимание к стилю конкретного стихотворения — основной принцип

* В. Заборскайте, Искусство стиха, «Вага», Вильнюс, 1965, 278 стр. (на литовском языке).

анализа стиха у В. Заборскайте. Однако это не приводит исследователя к своеобразному литературоведческому «импрессионизму», когда стиль произведения диктует методологию анализа и как бы насильно удерживает теоретический синтез на уровне «единственно реальных» эмпирических наблюдений. В то же время автор «Искусства стиха» действительно не спешит предлагать «идеальную» методологию стиховедческого анализа. Наоборот, В. Заборскайте скорее согласна пожертвовать любой методологической нормой ради того, чтобы наиболее полно раскрыть своеобразные проявления той или иной творческой индивидуальности.

Достаточно сравнить разборы двух стихотворений Майрониса — «Весна» и «С Бирутиной горы», чтобы убедиться, насколько тщательно и продуманно выбирает В. Заборскайте именно данный аспект анализа произведения. При анализе «Весны» внимание сосредоточено на особенностях «классической» формы, на том, «как в структуре стиха сочетается стремительность эмоций, отраженная в динамике образов, с замкнутостью, симметричностью классической формы; как уравниваются эксцентрические и концентрические силы в структуре стиха, создавая впечатление гармонического равновесия». Таков, говорит автор, «классический облик» Майрониса с его гармоническими, ясными чертами, которые «выявляются, например, и в лирике Пушкина». Анализ стихотворения «С Бирутиной горы» направлен уже на ритмическую и фонетическую организацию стиха, в которой непосредственно обнаруживает себя эмоциональная стихия, поток «романтических идей, образов, психологических состояний». Перед нами — Майронис «романтический». Исследова-

тель делает немаловажный вывод о многогранности творческой индивидуальности Майрониса, который как раз и «значителен для нашей поэзии тем, что он первым сумел создать в лирике разносторонний человеческий характер, сложный, часто противоречивый образ переживаний героя».

Уходя в глубь структуры отдельного стихотворения, В. Заборскайте, однако, не чуждается и широких литературных параллелей. Сопоставление родственных тем в разнородных формах — неотъемлемая черта этого анализа. Сравнивая, например, поэтические элементы литовских народных дайн и стихотворения Л. Гиры «Мой край», литературовед ярко показывает диалектическую сложность взаимосвязей индивидуального творчества и фольклора. Даже в том случае, когда фольклор «предоставил поэту очаровательные стилистические приемы, настроение, некоторые мотивы, социальную направленность», все же творческая индивидуальность (не стилизующая и не имитирующая фольклор) создает свои понятия и образы, недоступные традиционному фольклору. Параллельный анализ фольклорных мотивов поэзии Майрониса и Л. Гиры опять-таки подтверждает мысль о художественном использовании фольклора как об исходной точке для раскрытия творческой индивидуальности.

«Атмосфера» литературных сравнений и ассоциаций, окружающая каждый анализируемый текст, приближает книгу В. Заборскайте к своеобразному историческому очерку литовской лирики.

Избранный литературоведом путь «от поверхности вещей» в глубину переживания и смысла, от «фактуры» поэтического текста к глубинам идейного и психологического содержания (иногда он может быть опи-

сан «наоборот»: как путь от смысла к тексту), — этот путь позволяет по-новому увидеть и заново насладиться, казалось бы, давно и отлично знакомыми произведениями. Анализ В. Заборскайте — это особенно ценно — улавливает эстетическое воздействие стихотворения как художественного целого. Притом в своих лучших аналитических этюдах (таковы, на наш взгляд, разборы стихотворений С. Нерис) В. Заборскайте последовательно переходит от одного компонента стиха к другому: от синтаксиса к ритму, от ритма к интонации речи, специфике словарного состава, к поэтическому образу, композиции, от композиции к взаимодействию образно-живописного, психологического и философского содержания, к соотношению отдельного лирического переживания с творческой индивидуальностью поэта, с особенностями развития всей литовской лирики... Подвижность аналитической мысли, способность ее свободно переходить от одного пласта художественного

образа к другому позволяет максимально полно проследить эстетическое единство взаимообогащающих элементов стиха.

Не все, правда, страницы книги В. Заборскайте написаны с одинаковым вдохновением: несколько монотонен анализ «Лиры» Э. Межелайтиса; можно оспаривать интерпретацию отдельных поэтических образов В. Миколайтиса-Путинаса; с точки зрения подбора текста, явно «обижена» сложная и чрезвычайно современная лирика В. Монтвилы. Возможно, автор допустил и другие просчеты. Однако, когда читаешь книгу В. Заборскайте — одну из первых книг подобного рода в литовском литературоведении, — думаешь не об этих недочетах и неточностях. Она прежде всего радуется своей талантливостью, своим тонким искусством разбора лирических стихотворений, она обращает мысль исследователей на главные, обнажившиеся в ней принципы анализа стиха.

А. БУЧИС

В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ДОСТОЕВСКОГО *

Опубликование рукописей «Подростка» — важный вклад в освоение и изучение наследия Достоевского. Находить новые тексты классиков с каждым годом становится все труднее, и нельзя не радоваться такой «находке», как извлеченные из-под спуда тридцать печатных листов рукописей, принадлежащих перу одного из корифеев русской литературы.

* «Литературное наследство», т. 77. «Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток». Творческие рукописи», «Наука», М. 1965, 519 стр.

Записные тетради Достоевского к роману «Подросток», с величайшей тщательностью воспроизведенные в книге, представляют большой исследовательский интерес. Они прежде всего углубляют и уточняют наши представления о Достоевском — не только о замысле и смысле произведения, к которому непосредственно относятся, но о творческом облике писателя вообще, о его взглядах, творческой эволюции, идейно-художественных позициях.

В опубликованных рукописях пре-